

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ЕВРОАЗИАТСКИЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
ДИАЛОГ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ
КУЛЬТУРЫ**

Под редакцией д-ра филол. наук О.Б. Лебедевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2007

Ф.З. Канунова

РУССКО-АЗИАТСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО 30-х ГГ. XIX В.

Среди произведений А.А. Бестужева-Марлинского большое место занимают кавказские повести. Со времени выхода в свет «Аммалата-бека» (1832) имя писателя тесно связывается с Кавказом. В «Библиотеке для чтения» в течение ряда лет печатаются его «Кавказские очерки», в том числе и крупные произведения «Аммалат-бек» и незаконченная повесть «Мулла-нур». Из тридцати произведений, написанных им после 1825 г., почти половина посвящена Кавказу. Одной из важнейших проблем, поставленных писателем в его произведениях, является проблема национального характера в его отношении к русской культуре, русскому человеку.

С первых же дней своего пребывания на Кавказе, несмотря на невыносимо тяжелые условия жизни рядового солдата, Бестужев внимательнейшим образом изучает быт народов Кавказа, их национально-историческое своеобразие, язык, поэзию, этнографию¹.

В предлагаемой статье я кратко остановлюсь именно на заявленной теме – диалог русской и азиатской культур, как он отразился в тексте произведений, а побудила меня обратиться к этой теме актуальность проблемы в нашей сегодняшней общественной и культурно-исторической жизни.

Как свидетельствовали уже современники, Бестужев знал очень хорошо персидский и татарский языки, на которых говорил совершенно свободно. Круг его общения распространялся почти на все народонаселение Дербента. В письме к доктору Эрдману (1831) мы читаем: «Что сказать Вам о племенах Кавказа <...> их так мало знают их соседи-русские» (3, 151)².

Кавказ прочно вошел в жизнь и творчество Бестужева. Он всегда боготворил дикую непревзойденную красоту Кавказа, как бы жестоко не обманывали его надежды. «Наконец я видел Кавказ, – писал он матери 15 августа 1829 г., – и до сих пор не насытился этим великолепным

¹ В 1995 г. в издательстве «Литературные памятники» вышла моя книга «Кавказские повести А.А. Бестужева-Марлинского» (700 с.), где я подробно говорю о кавказской теме Бестужева-Марлинского в ее соотношении с Пушкиным и Лермонтовым, подробно анализирую наиболее интересные его произведения с опорой на широкое использование его рукописного наследия.

² *Второе* полное собрание сочинений А. Марлинского. Т. 1-4, ч. 1-12. СПб., 1847. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием части и страницы. Особые случаи цитации оговариваются в подстрочных примечаниях.

зрелищем. Надо самому испытать возвышенное чувство, проникающее в душу при подножии ледяных гор, чтобы поверить силе и сладости впечатления» (4, 173).

С самого начала пребывания своего в Дагестане Бестужев принимает активное участие в Кавказской войне. Несмотря на то, что формально Кавказ числился в подданстве российского императора, в действительности такие области, как Дагестан, Чечня и др., решительно сопротивлялись владычеству царской России.

Декабристы, как известно, одобряли политику присоединения Кавказа к России. Это, с их точки зрения, был путь освобождения народов Кавказа от турецкого деспотизма и религиозного фанатизма. «Покорение Кавказа, – писал Бестужев, – подвинет вперед целое человечество и, так сказать, сроет этот порог между двумя материками» (4, 173). Однако реакционность и деспотизм николаевской политики на Кавказе, колониальный характер отношений с горскими народами – все это вызывало сопротивление горцев и отрицательное отношение декабристов.

Очень интересно произведение Бестужева «Рассказ офицера, бывшего в плену у горца». Бестужев с искренним сочувствием к горцам рассказывает о жестокости и насилии покорителей: «Мы жгли их села, истребляли их хлеба, сено и оставляли золу за собою»³. Это вызывает естественное недоверие и ненависть горцев к русским. Рассказывая о своей беседе с чиркейцами, автор не скрывает этого недоверия и вражды:

– Зачем вы сражаетесь с нами! – сказал я. – Добрые люди должны быть друзьями!

– Зачем же вы идете к нам, если вы добрые? (6, 135).

В ответ на вопросы, сколько в селении русских и что говорят между собою солдаты, русский офицер ответил: «”Русские всегда готовы платить тройным добром за дружбу <...> и вдвое мстят за обиды”». Воевода насмешливо улыбнулся, и улыбка его была знаком ко всеобщему смеху» (6, 181).

Проблема национального характера – центральная в русско-азиатском диалоге творчества Бестужева. Писатель стремился понять, как формируется характер человека в связи с историей особой национальной культуры. Здесь Бестужев, как указывалось мною в книге «Эстетика русской романтической повести», воспринял новейшие открытия исторической науки и художественной литературы⁴. Установив тесные

³ *Отечественные записки*. 1860. Июль. С. 51-52.

⁴ См. о связи Бестужева с трудами О. Тьерри и историческим романом, прежде всего В. Скотта: *Канунова Ф.З.* Эстетика русской романтической повести. Томск, 1973. С. 112-113.

контакты с бр. Полевыми, Бестужев получал от них новейшие европейские исследования и художественные произведения⁵.

Все приобретенные Бестужевым знания о Кавказе, разнообразные сведения по истории, фольклору, хорошее знание языков и местных наречий, – все это было подчинено одной цели – понять и художественно осмыслить характер, быт и нравы нового для него восточного человека. «<...> Горцы – достойные дети Кавказа. Это не персияне, не турки. Сами бесы не могли бы драться отважнее, стрелять точнее»⁶. Таков герой повести Бестужева – племянник тарковского шамхала Аммалат-бек.

Ставя в центр своего внимания проблему национального характера, Бестужев широко представил в своей программной повести драматический диалог между азиатским началом в герое и русской просветительской культурой, носителем которой является в повести воспитатель Аммалата, просветитель-гуманист Верховский.

Верховский видит в Аммалате богатейшие природные задатки:

Природа на зубок подарила ему все, чтоб быть человеком в нравственном и физическом смысле, <...> предрассудки народные и небрежность воспитания сделали все, чтобы изурочить, изувечить эти дары природы (45).

Можно ли изменить веками сложившиеся привычки, можно ли изменить человека, сознательно руководя его воспитанием? Это был очень важный вопрос, поставленный просветителями, и прежде всего Руссо: он горячо дебатировался в социально-утопической французской литературе (К.-А. Сен-Симон, Ш. Фурье)⁷ и был чрезвычайно важным в условиях русской действительности 1830-х гг.

Верховский пишет своей невесте: «<...> начал перевоспитывать душу Аммалата <...> и с радостью вижу, что он пристрастился к чтению и сочинению» (45). Свою эволюцию замечает и сам Аммалат. Вопрос о воспитании Аммалата настолько важен для писателя, что освещается в повести со всех сторон. Вводится дневник Аммалата – исповедь героя, помогающая увидеть его духовное развитие:

Так этот-то новый мир называется мыслью. Прекрасный мир, ты долго был для меня мутен и слитен, как Млечный путь, который, говорят, составлен из тысяч сверкающих звезд. Мне кажется, я всхожу на гору познания из мрака и тумана. Верховский не только манит меня к познанию, но и дает средства присвоить их. С ним, как с матерью молодая ласточка: питаю новые крылья... Придет пора, и я облечу поднебесье (46).

Из спора Аммалата с Султан-Ахмет-ханом, кровным врагом русских, становится очевидным нравственное превосходство Аммалата перед его

⁵ Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести. С. 202-204.

⁶ Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. С. 509.

⁷ См.: Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961. С. 258-265.

оппонентом, превосходство, достигнутое, главным образом, просвещением. Не случайно в его лексике появляются слова, чуждые врагам русских: «союз дружбы», «долг честного человека», «благодарность».

В русско-азиатский культурный диалог Бестужев вносит волнуемую его как романтика 1830-х гг. проблему характера человека, который сейчас представляется ему не рационалистически ясным, как в 1820-е гг., а клубком неразрешимых противоречий. В этом смысле Амалат предвосхищает сложного демонического героя Лермонтова с его жаждой жизни и добра, с одной стороны, и обреченности миру зла – с другой.

Вместе с тем в «Амалат-беке» не отверглась и вера в просветительство как метод переделки мира и людей, а лишь усложнилось отношение к нему. Герой Бестужева отнюдь не заурядный убийца, а трагическая фигура, жертва. Убив своего благодетеля, Амалат испытывает тяжкие душевные муки. «Душа моя подобна теперь голой скале, на которую слетаются одни хищные птицы и злые духи <...>» (79). О мучениях героя говорит и автор: «Трудно было узнать, невозможно передать того, что крутилось вихрями в груди его» (84). Измену Амалата Верховскому не могут простить ни его невеста Селтанета, ни ее отец и мать, ни самые близкие друзья, ни другие близкие ему люди. Это было осуждение героя-индивидуалиста, которому противопоставлялась добрая воля окружающих его людей (вспомним лермонтовского «Беглеца», где носителем нравственного идеала автора оказались проклявшие труса герои). Как показывают черновые варианты, Бестужев углубляет драматизм образа, неизменно усложняет саму проблему евроазиатского диалога в творчестве писателя, обнажая его историко-культурные и национально-этнические корни.

Кавказские повести Бестужева, прежде всего такие, как «Амалат-бек» и «Мулла-нур», очень интересны с точки зрения поэтики текста. Особую роль в истории русского гражданского романтизма сыграло стремление воссоздать важнейшие черты культуры Ближнего Востока. «Восточный стиль, – писал Г.А. Гуковский, – стал не только модой; но для передовых кругов литературы – символом освободительной героики по преимуществу». К этому следует добавить, что сама проблема местного колорита была важнейшей проблемой русского романтизма. Это имело глубокий смысл для таких писателей, как Бестужев, прежде всего потому, что Россия представлялась страной как европейской, так и азиатской. «В пору общеевропейского увлечения Востоком Россия, воевавшая с кавказскими народами, включавшимися в комплекс восточной культуры, соседствующая с магометанскими народами, оказалась как бы естественным интерпретатором Востока для Европы»⁸.

⁸ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 258.

Возросший демократизм Бестужева проявился, как мы видели, в пристальном внимании к народам Кавказа. Автор-повествователь порою становится «строгим» историком, ни на минуту, казалось бы, не теряющим исторической нити повествования. Вместе с описанием быта и нравов в повести отчетливо проступает тема народа как национальной общности. Романтический герой Бестужева (и в этом его особенность) не противопоставлен народу, массе; на протяжении большей части повести он слит с нею. Это сближало его с героями кавказских поэм Лермонтова. Отсюда повышенный интерес Бестужева к групповым описаниям (картинам), отсюда большая насыщенность повести фольклором и фольклорными мотивами.

В повесть включены горские песни – старинная песня, которая, по утверждению автора, является точным переводом с оригинала и строится на народном предании, и смертные песни, очень высоко оцененные Белинским. Один из главных мотивов песни – суеверие. Молитва горцев дошла до Аллаха, и мусульмане в мужественной, но слишком неравной по силам схватке с русскими были спасены благодаря чудодейственному лесу, который всегда приносил горцам спасение. Песня несла на себе приметы старого времени, отличительные особенности психологии старых людей. Не случайно один из горцев повести, мужественный Джембулат, предводитель набега на русских, прослушав эту песню, дал ей верную характеристику:

Так бывало в старину <...>, когда наши старики больше верили молитве, а Бог чаще их слушал: но теперь, друзья, лучшая надежда – своя храбрость. Наши чудеса в ножнах *шушки* (сабли) – и нам точно должно показать их, чтобы не осрамиться (33).

Введение в текст песни, таким образом, отвечало общему замыслу писателя нарисовать яркую картину народных обычаев и нравов, создать запоминающийся национальный колорит, дать представление о национальном характере народа. Яркие массовые сцены в повести «Ам-малат-бек», особенно в первой ее части, буйные празднества, этнографические подробности – все это воссоздает атмосферу народной жизни, лежащей, с точки зрения писателя-романтика, вне официальной сферы и потому истинной и основополагающей. Убедительно раскрытая в творчестве Бестужева проблема местного колорита с его пафосом объективности получила наиболее полное воплощение в последней, незавершенной повести «Мулла-нур», требующей специального рассмотрения.

Таким образом, стремление проникнуть в местный колорит Востока и раскрыть диалог русской и азиатской культур углубляет пафос объективности творчества Бестужева 1830-х гг., заостряет его актуальную общественную проблематику, представляющую собой заметный шаг не

только в творческом развитии писателя, но и в русской литературе 1830-х гг. в целом.

Проза Бестужева 1830-х гг. – интересное явление в истории русской прозы. Здесь проявились не только характерные черты романтического стиля, романтического миропонимания, романтического жанра, но и с отчетливой убедительностью были предугаданы дальнейшие пути движения русской литературы к реализму. В диалоге русско-азиатских культурных традиций, столь важном в творчестве Бестужева, проявились страстная тяга к действительности, мастерство рассказа, поэтизация народных обычаев, фольклора, – все это будет поднято на новую эстетическую высоту у Лермонтова и Гоголя, чье творчество ознаменовало новый этап в истории русской прозы.